

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСНА 45-го

МОСКВА

**БЕСПОКОЙНОЕ
ЛЕТО 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСНА 45-го

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 **Беспокойное лето 45-го / Валерий Шарапов.** — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.— (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-214803-3

1945 год. После демобилизации в Москву возвращается бывший командир разведроты майор Александр Васильков. Здесь он встречает своего заместителя капитана Старцева. Комиссованный после ранения, тот уже два года работает старшим следователем в МУРе. Старцев зовет командира на службу в Уголовный розыск. Людей не хватает, а криминальная обстановка в столице сродни фронтовой. На днях, например, по программе репарации из Германии в СССР прибывает «Клад Приама» — девять тысяч предметов, найденных Генрихом Шлиманом при раскопках Трои. Преступники наверняка попытаются пожить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214803-3

ПРОЛОГ

*Центральный фронт;
Курская стратегическая оборонительная
операция; восточный пригород Рыльска
7 июля 1943 года*

— Куда же она запропастилась? Точно ведь шли по маршруту. — Иван Старцев всматривался в непроглядную июльскую ночь. — По моим расчетам, мы должны были выйти на нее пятнадцать минут назад.

— По моим тоже. Надо глянуть на карту. Ну-ка организуй «блиндажик», — прошептал Александр Васильков и, присев на корточки, нагнулся.

Заместитель взмахнул полрой плащ-палатки и, нырнув под нее, оказался вместе с командиром над освещенной фонариком картой...

Шестеро разведчиков во главе с капитаном Васильковым двигались по занятой противником территории к линии фронта. Короткое задание, длившееся чуть более суток, было крайне

важным для удержания самого западного рубежа обороны в районе города Рыльска. Задание группа Василькова выполнила, не понеся потерь, и теперь спешила возвратиться с донесением в штаб дивизии. Все в этой вылазке складывалось удачно. Все, кроме одной детали: разведчики никак не могли выйти на последний контрольный ориентир — одиноко стоящую высокую березу.

— Ничего не понимаю, — елозил командир пальцем по карте, — мы же прошли берегом речки и повернули вправо у камышовых зарослей.

Старцев подтвердил:

— Ну да — просочились аккурат меж Рыльском и Слободкой, нашли заросли.

— А где же тогда береза?

— Может, не те камыши или рано свернули?

Васильков вздохнул.

— Ладно... чего теперь гадать? Надо вернуться к руслу.

— Согласен. Иначе рискуем напороться на позиции немцев.

— Или навсегда остаться на минном поле. — Командир погасил фонарик, откинул плащ-палатку и резко поднялся.

Негромко объяснив подчиненным задачу, он первым направился обратно к овражку...

* * *

Незаметный проход через минное поле разведчики капитана Василькова проделали до начала операции. Несколько ночей подряд по двое, по трое они осторожно перелезали через бруствер первой линии окопов, ползком преодолевали триста метров нейтральной полосы и, оказавшись у цели, начинали искать установленные фрицами противопехотные «сюрпризы». Найденные мины бойцы обезвреживали, обозначая на специальном плане местонахождение каждой из них. Отображался на плане и свободный коридор с малоприметными метками на местности. К этому спасительному коридору Васильков и вел свою группу.

— Курочкин, Сидоренко! — позвал он, когда разведчики вернулись к неширокой речушке и отыскиали на мелководье камышовые заросли. — Подымитесь и гляньте по сторонам.

Два разведчика бесшумно скользнули вверх и исчезли там, где темный грунт сливался с черневшим небом.

— Мы на месте. Уверен на сто процентов. — Старцев перехватил поудобнее автомат.

— Да я и сам понимаю, — кивнул на камыши Васильков. — Рано мы тогда свернули.

— Согласен. Совсем немного не дошли...

Послышался шорох и звук осыпающегося грунта. Сверху скатился Курочкин.

— Чисто, командир. Ни души, — доложил он.

— А где Сидоренко?

— Наверху остался — присматривает за нейтральной полосой.

— Пошли.

Бойцы выбрались по скользкому глинистому грунту наверх и поползли на восток...

* * *

Город Рыльск был полностью занят немецкими войсками. Позиции наших соединений располагались в двух километрах — через реку Сейм. Однако севернее города река крутой петлей уходила на восток, и линия соприкосновения войск проходила по обширной равнине, местами разбавленной перелесками.

Летом 1943 года германское командование намеревалось провести в этих краях крупную стратегическую операцию. Два молниеносных удара — один с севера от города Орел, другой с юга от Белгорода — должны были сойтись у Курска. Начиная с мая месяца гитлеровцы активно готовились к наступлению. Тем не менее по какой-то необъяснимой причине в районе Слободки плотность гитлеровских войск оставалась небольшой.

Дабы оградить себя от риска прорыва советских частей, немцы заминировали несколько гектаров степного безлесного участка и установили метрах в пятистах от переднего края десятков прожекторов. Работая несколько ночей подряд, разведчики Василькова сумели проделать в этом минном поле незаметный узкий коридор. В этот коридор они и хотели попасть, возвращаясь из рейда.

— Вошли точно, командир, — обернувшись, прошептал Курочкин.

— Понял. Давай, аккуратнее там, — ответил тот. — И не торопись — время еще есть.

— Добре. Постараюсь...

Времени до рассвета и впрямь оставалось с запасом, хоть и помыкались лишних полчаса по правую руку от мелководной речки. Теперь душа пела: двигались в правильном направлении. Со второй попытки разведчики покинули русло в нужном месте и вышли на главный ориентир — одинокую высокую березу. От нее чуток подвернули к югу и спустя несколько минут оказались у входа в коридор.

Курочкин медленно полз к первой линии советских окопов, на ощупь определял воткнутые в грунт короткие веточки ивы. Он сам размещал эти метки по границам прохода, когда разведчики обезвреживали мины; ему же Васильков доверил и отыскивать их в кромешной тьме.

За Курочкиным следовал командир, далее — все остальные. Замыкал, как всегда, Иван Старцев. Эта работа, требующая особого внимания и хорошего слуха, приходилась ему в самую пору. Прополз пять-шесть метров, остановился, оглянулся, прислушался... И так до наших позиций, покуда предпоследний не нырнет в объятия встречающих товарищей.

Рядом с группой бесшумно скользнул луч прожектора. Вжавшись в землю, разведчики замерли...

* * *

В освещении минных заграждений немчура нарочно отступила от правил и не придерживалась порядка или графика. Порой по изрытой воронками поверхности лениво шарил парочка прожекторов, после чего надолго повисала пауза, и огромное поле тонуло во мраке. Затем вдруг разом вспыхивали десятки источников света, и пространство между советскими и немецкими позициями озарялось ярчайшим светом. В такие минуты советским бойцам казалось, что на нейтральной полосе не скроется и полевая мышь.

Но не это было головной болью Василькова. Изредка помимо прожекторов просыпались «мясорубки», или «пилы Гитлера», как наши солдаты

называли немецкие единые пулеметы MG-42. Лучи скользили по полю под острым углом, заметить на нем распластавшихся и накрывшихся плащ-палатками можно было не всегда. И тогда пулеметчики лупили наудачу. Однажды, когда бойцы Василькова прокладывали проход в минном поле, удача едва не улыбнулась одному из немецких стрелков — плотная очередь легла между Курочкиным и Старцевым.

Сегодняшней ночью одновременно загоралось два-три прожектора. Пулеметы, пока разведчики преодолели половину дистанции, оживали дважды, но оба раза пули свистели вдалеке.

И вот, когда до нейтральной полосы оставалось не более сотни метров, длинная пулеметная очередь впиалась в землю рядом с бойцами.

Один из них вскрикнул.

* * *

— Сидоренко! — узнал по голосу командир. — Зацепило?

Внятного ответа не последовало. Лишь по интенсивной возне и приглушенному мычанию Васильков догадался, что товарищ ранен.

Ближе всех к Сидоренко оказался Старцев.

— Петро, куда тебя? — подполз он к бойцу. — Слышь, Петро...

Пуля попала в брюшную полость — давясь стоном и держась за правое подреберье, Сидоренко катался по земле.

Это было отвратительное ранение: опасное для жизни и очень болезненное. К тому же сопровождающееся большой кровопотерей. Требовалось быстрее тащить раненого в наше расположение.

Луч вылизывал изрытый грунт в опасной близости. Старцев навалился на Сидоренко и обхватил его руками.

— Тихо, Петро, тут же мины вокруг и прожектор шарит! Тихо...

Но удержать на месте великана не получалось. Сложившись пополам, уроженец Одессы крутанулся и сломал плечом торчащую из земли короткую веточку ивы. Напрасно Старцев пытался затащить его обратно в коридор — силы были не равны.

— Живо помогите ему! — приказал Васильков.

Два разведчика рванулись обратно, но доползти до раненого не успели. Внезапно там, откуда исходили шорохи и сдавленный стон, грохнул взрыв противопехотной мины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Москва

Июнь-июль 1945 года

Сформированный в Федерсдорфе эшелон неспешно катил на восток, подолгу простаивая на полустанках и пропуская поезда с техникой, заводским оборудованием, стройматериалами, лесом. Страна-победитель восстанавливалась после окончания тяжелейшей войны и остро во всем этом нуждалась.

Половина эшелона состояла из грузовых вагонов и платформ с имуществом и вооружением расформированной пехотной дивизии. Другая половина представляла собой теплушки, в которых возвращался с войны рядовой и сержантский состав. В два пассажирских вагона третьего класса набились младшие офицеры. А в единственном купейном вагоне с аккуратной надписью «Berlin-Stralsund» с комфортом разместились старшие офицеры.

Золотилось ярким солнцем погожее летнее утро. На четвертые сутки путешествия эшелон

медленно подбирался к западной окраине Москвы.

В тамбуре курили двое: лысый полковник в годах и молодой майор — Александр Васильков. На расстегнутых кителях в такт качавшемуся вагону позвякивали боевые ордена и медали.

— В Москве-то кто-нибудь дожидается? — выпустил струю дыма полковник Тарасов.

— Мама, — улыбнулся Васильков и, мечтательно вздохнув, добавил: — И девушка.

— Это хорошо. Давно знаком с девушкой?

— В сороковом познакомились. И тоже, кстати, в поезде.

— Стало быть, всю войну ждала?

— Ждала. Училась на врача, работала в Главном военном госпитале имени Бурденко.

— Молодец. Тоже, значит, добывала победу, — одобрительно прогудел полковник. — И как же зовут твою невесту?

— Валентина.

— Хорошее имя. И моя супружница Евдокия меня заждалась. Кабы была возможность известить о прибытии, непременно прибежала бы на вокзал. Мы ж с ней недалеко от вокзала проживаем — на Большой Садовой...

Эшелон медленно катил по Московской области. Попыхивая папиросой, бывший начальник штаба расформированной дивизии поглядывал

в окно тамбурной двери. Васильков дымил рядом. Из вагона доносился смех, звон бутылок и нетрезвые голоса попутчиков.

— Сколько еще, Петр Данилович? — спросил Васильков.

Тот глянул на запястье.

— Ежели нигде не задержат, часа через полтора прибудем.

Полтора часа. Всего полтора часа, и он окажется в родном городе. Сколько лет он ждал этого момента! Сколько раз представлял, как таким вот солнечным утром выйдет из вагона на перрон...

Александр припомнил дворик родного дома, подъезд, деревянную дверь в большую коммунальную квартиру с номером в ромбике. И снова представил скорую встречу с мамой и с любимой Валентиной.

Ощувив сдавивший грудь приятный холодок, он улыбнулся и затушил папиросу.

* * *

Василькова никто не встречал, так как сообщить о приезде, равно как и высчитать хотя бы приблизительное время прибытия эшелона было невозможно. Тем не менее, когда Александр, поправив на голове фуражку и подхватив чемодан,

спрыгнул со ступенек тамбура на перрон, счастье переполнило его душу.

Вот он, этот долгожданный счастливый момент! Наконец-то он снова в своем родном городе! Война окончена, в чистом московском воздухе не ощущалось примесей сгоревшего пороха, в мирном голубом небе не гудели военные самолеты, а граждане спешили не в бомбоубежища, а по своим сугубо житейским делам.

Сделав несколько шагов по перрону, он вдруг невольно остановился: что-то было не так. Раньше он бывал на Белорусском вокзале и многое узнавал. И все же что-то вокруг изменилось. Из-за отсутствия ремонта здание вокзала заметно постарело: краска потрескалась, местами облупилась; кое-где были разбиты стекла. Тем не менее вокруг было чисто: соседний свободный от пассажиров перрон подметали дворники, а на дальнем торце вокзала Васильков заметил деревянные леса для восстановления фасадной части здания.

— Ничего. Все поправим. Все отремонтируем. — Улыбнувшись, он пошел дальше.

Выйдя на площадь Тверской Заставы, бывший командир разведроты обнаружил автобусную остановку.

Старенький «ЗИС-16» долго и натужно кряхтел, пробираясь по московским улочкам в рай-

он Сокольников. Выскочить из переполненного салона пришлось далеко от дома, но Васильков нисколько не расстроился и с удовольствием отправился пешком по знакомому с детства району. Все вокруг излучало тепло и радость: ярко светило летнее солнце; встречные прохожие улыбались Александру, будто знали его много лет; в вазонах атели гвоздики...

Вот и двор родного дома, который после долгой разлуки почему-то уменьшился в размерах. Подъезд с удивительно знакомым запахом. Ступени каменной лестницы, крашенные стены, белый потолок. Деревянная дверь с номером в ромбике. И настороженный голос мамы после двух коротких звонков:

— Кто там?

Мама не знала молитв, не ходила в церковь, не хранила дома икон. Но, крепко обнимая сына, она смахивала слезы и благодарила бога за то, что он «не отнял у нее единственную кровиночку».

Ближе к вечеру в длинном коридоре, бравшем начало от входной двери и кончавшемся в общей кухне, накрыли столы, за которыми уместились все соседи дружной и большой коммунальной квартиры. Это был настоящий праздник! Звучали тосты, на глазах у многих блестели слезы радости. Улыбались даже те, у кого война отняла близких...

На следующий день Васильков привел себя в порядок, отгладил мундир, начистил сапоги, купил на базаре букет цветов и отправился к Валентине.

* * *

Минул почти месяц с того момента, как Александр вернулся в Москву. Отдохнув несколько дней с дороги, он пошел в Московское государственное геологическое управление, из которого четыре года назад был призван в армию. Настала пора возвращаться к мирной жизни, трудоустроиваться по специальности, делать предложение Валентине, подавать заявление в ЗАГС, обзаводиться собственным жильем.

— Да, Александр Иванович, хлебнули вы лиха. — Заместитель начальника Управления по кадрам кивнул на два золотистых галуна на кителе Василькова. — Где же это вас так?

— В сорок третьем в окружении под Гомелем. Вторично в июле сорок четвертого на западном берегу Вислы.

Беседа со старым знакомым заканчивалась. Расстроенный ее результатом Васильков намеревался попрощаться и покинуть управление.

— Не огорчайтесь, Александр Иванович, — сказал кадровик, заметив тень на лице офицера. — Ведь не все, вернувшиеся в Москву из Семипала-

тинска, захотят и далее трудиться по профессии. Мне приказали подержать для них вакансии, но долго это продолжаться не может. Месяц-два... В общем, заходите.

Он написал в блокноте номер, вырвал листок и протянул Василькову.

— Или звоните по этому номеру.

— Благодарю вас.

— Уверен, у нас найдется для вас место...

* * *

Два-три раза в неделю он встречал Валентину возле ворот больницы, они прогуливались пешком до ее общежития. Чаще видеться не получалось: девушке иногда выпадало дежурить в отделении, а Александр устроился на оборонное предприятие и с непривычки здорово уставал.

Московские улицы ремонтировали и приводили в порядок. Обустроивали клумбы, открывали ларьки с газированной водой. И даже появлялись продавщицы в белых халатах, торгующие мороженым. Сегодня Александру и Валентине повезло — они встретили такую торговку и купили две порции эскимо. Давно забытый вкус напомнил обоим довоенную студенческую юность...

Время было позднее. Очередное свидание завершалось, предстояло прощаться.